

Без чувств

Говорят, лисий род искусен в обольщении и славится на оба мира — и людской, и демонический — умением завлекать в сети парного совершенствования. На деле же всё обстоит совсем иначе. Ху Цзюминь не провёл на пути самосовершенствования и сотни лет. Если не считать вызывающе смазливой внешности да непомерной гордыни, у него за душой не было ни единого приёма для соблазнения. Стоило даосу коснуться его всего пару раз, как лис обмяк, едва не превратившись в бесформенную лужицу. О том, чтобы как-то искушать Цзи Цина, не могло быть и речи.

Почувствовав, что податливое тело в его руках больше не сопротивляется, Цзи Цин ощутил, будто по сердцу провели невесомым пёрышком. Дразнящий зуд разгорался всё сильнее; жар, охвативший тело, и не думал спадать. Напротив, кровь закипала, требуя немедленного выхода. Шагнув вперёд, он раздвинул коленом бёдра лиса и крепче прижал его к себе. В серебряных глазах юноши дрожало зыбкое, влажное сияние, будто в глубоком горном озере, подёрнутом рябью.

Цзи Цин осторожно приподнял его подбородок. Навстречу ему открылось лицо неопишуемой, почти пугающей красоты. Глядя на полуопущенные веки и влажные, манящие губы, даос медленно склонился, желая наконец вкусить их сладость.

Пока лицо даоса неумолимо приближалось, несчастный Ху Цзюминь окончательно потерял связь с реальностью. Его разум плыл. Он ясно видел горящие вожелением глаза Цзи Цина, чувствовал его горячее дыхание, но совладать с собственным телом был уже не в силах. Дрожь пробежала от макушки до кончика хвоста, и лис попросту лишился чувств.

В следующее мгновение объятия даоса опустели. Цзи Цин с изумлением обнаружил, что прекрасный юноша растаял без следа, а в его пальцах, безжизненно свисая, зажата пушистая белоснежная лисица. Маленький зверёк зажмурился и обмяк, пребывая в глубоком обмороке.

Столь нелепый поворот событий мгновенно остудил бушевавший в груди пожар. Даос прикрыл глаза, сиюсь совладать с ураганом нахлынувших эмоций. Подавив вспыхнувшее было раздражение — а вместе с ним и глухое желание придушить бесполезную тварь, — он подхватил обмякший белый комок и зашагал обратно к повозке.

Развесив мокрую шубку над костром, чтобы подсушить, Цзи Цин бесцеремонно забросил обсохшего зверя внутрь экипажа. Дело это было привычным, руки помнили каждое движение. Сидя у огня и лениво шевеля угли сухой веткой, он наконец-то смог спокойно поразмыслить. Что с ним творится? И главное — если бы этот недотёпа не лишился чувств, до чего бы они докатились?..

Ночь прошла без сна. Когда растрёпанный белый лис показался из проёма повозки, Цзи Цин всё так же сидел у костра, застыв с веткой в руке. Поддерживаемое крупными духовной силы

пламя не угасало до самого утра, но теперь, в лучах восходящего солнца, оно казалось блёклым и вяло испускало тонкую струйку сизого дыма.

Ху Цзюминь нерешительно подошёл ближе и устроился у ног даоса, уставившись на тлеющие угли. Винить его в случившемся было бы несправедливо. Чистота крови девятихвостого лиса-оборотня не подлежала сомнению, однако имелся один досадный изъян: для полноценного плотского соития его демоническое тело требовало завершённой закалки. Без неё любая попытка разделить ложе неизбежно заканчивалась внезапным обмороком.

Цзи Цин же за долгие часы бдения докопался до сути своего наваждения. Причиной внезапного затмения, без сомнения, стала чужеродная драконья душа, проникшая в его меридианы. Именно её буйная природа лишила его привычного хладнокровия. Похоже, некогда ущербный сосуд его чувств и страстей не просто заполнился до краёв — дикая сила переливалась через край.

Ветка в руке даоса переломилась, и костёр мгновенно угас, обратившись в горстку серого пепла. Цзи Цин повернулся к притихшему зверьку, который всем своим видом выказывал кротость и послушание.

— Где то, что оставил Тайбай Цзиньсин?

Лис хлопнул серебряными глазами. Суровый, лишённый эмоций лик спутника подсказал ему: буря улеглась, даос вернул прежнюю ясность ума.

«Кажется, опомнился...» — с облегчением подумал Ху Цзюминь.

Из воздуха соткалась половинка нефритовой подвески и зависла прямо перед лицом Цзи Цина. Лис втайне надеялся, что вчерашнее недоразумение не лишит его обещанной золотой пилюли. С этих надменных праведников станется припомнить ему любую мелочь.

Едва скользнув взглядом по узорам на подвеске, он высвободил тонкую струйку духовной силы — нефрит тут же рассыпался искристой пылью, растворившись в воздухе.

Поднявшись на ноги, даос сверху вниз посмотрел на лиса:

— Человеческий облик пока не принимай.

Ху Цзюминь прекрасно понял намёк. Спорить он не стал — всё равно без должного уровня закалки тела от парных практик прока не будет. Нет так нет, в шкуре зверя даже спокойнее.

Расположившись в полумраке повозки, Цзи Цин прикрыл глаза. Его лицо то и дело озаряли неверные отсветы внутренней силы. Оценив масштаб хаоса в каналах ци, он шумно выдохнул скопившееся напряжение и приступил к медитации. Изгнание непокорной сущности

истинного дракона требовало колоссального времени и предельной сосредоточенности. Малейшая ошибка в циркуляции энергии — и меридианы лопнут, обрекая его на безумие.

Свернувшись клубком в углу, Ху Цзюминь уныло созерцал пробегающий за щелями повозки пейзаж. Мир смертных встретил его скудной духовной энергией и бесконечной серой толпой. Теперь ему стало понятно, почему бежавшие с небес демоны так легко пускались во все тяжкие: без пожирания человеческой эссенции скорость развития казалась просто издевательской. А тут ещё и единственный подходящий кандидат для парного совершенствования оказался временно недоступен. Приходилось искать иные пути.

Вскоре они миновали окрестности Яньчэна и взяли курс на Столицу Вечного Веселья. Для лиса начались суровые дни: вопреки хищной природе, его рацион теперь состоял исключительно из пресной лапши без единого намёка на мясо. Ху Цзюминь уже всерьёз подозревал даоса в утончённой мести. Впрочем, здесь он ошибался. Цзи Цин лишь помнил, как в прошлый раз зверёк уплетал эту лапшу, едва не проваливаясь в миску с головой. Решив, что это любимое лакомство питомца, и поленившись искать что-то новое, даос просто заказывал одно и то же на каждом постоялом дворе.

Спустя двое суток унылого пути, под полными немого страдания взглядами лиса, повозка наконец достигла подножия горы Лунной Реки. Цзи Цин выбрал для ночлега уединённую поляну на вершине и тут же погрузился в медитацию. Ху Цзюминь остался сидеть под деревом, тоскливо вздыхая над застывшим уровнем своей силы. Ему до смерти хотелось выпросить у даоса золотую пилюлю пораньше: сегодня шло уже десятое число, а через пять дней наступит полнолуние.

Великая Ся раскинулась на бескрайних землях, но её сердце — Столица Ся — находилось на Континенте Предков. Эти благодатные срединные равнины славились мягким климатом, роскошными садами и праздными гуляками всех мастей. Будучи оплотом империи, столица круглосуточно кипела жизнью, привлекая под свои стены бесчисленные караваны торговцев.

К воротам из белого мрамора неторопливо приближался очередной караван. Потрёпанные одежды путников выдавали в них купцов, вернувшихся из опасного похода к северо-западным границам. Навьюченные до предела лошади едва переставляли ноги, но довольные лица хозяев говорили о том, что сделка превзошла все ожидания.

Стражники лениво приступили к досмотру. В этот момент из седла рослого скакуна спрыгнул высокий подтянутый юноша. На нём были удобные дорожные сапоги, плотные штаны и короткий халат с широкими рукавами, а лицо скрывала бамбуковая шляпа с густой вуалью. Сделав несколько быстрых шагов к старшему караула, он принялся спокойно улаживать дела с пошлиной.

Вдруг со стороны тракта донёсся нарастающий гул. Пыль взвилась столбом: к воротам во весь опор мчался конный отряд императорской гвардии. Офицер в лазурном облачении зычным

голосом приказал освободить проезд. Сделка прервалась, и юноше в вуали пришлось отступить к обочине. Провожая глазами выстраивающихся в оцепление солдат, он понимал: столь пышная встреча предназначалась лишь для особ царской крови.

И действительно: первыми показались знаменосцы с золотыми штандартами Великой Ся, за ними следовала пышная свита придворных, а в самом центре процессии величаво колыхался просторный паланкин. Его тяжёлые шёлковые занавеси скрывали пассажира от праздных взоров. Растянувшийся на сотню шагов кортеж неспешно втянулся под своды городских ворот.

Когда пыль улеглась, а зеваки начали расходиться, юноша быстро отсчитал нужную сумму стражнику. Тот небрежно махнул рукой, давая знак пропустить обоз.

Вскочив в седло, путник выпрямился, стараясь сохранять невозмутимый вид. Однако под защитой плотной вуали он вспыхнул густым румянцем. Никто из окружающих не догадывался, какую тайну он унёс с собой: в то мгновение, когда великолепный паланкин поравнялся с ним, сквозь мерный стук копыт до его слуха донеслись сладострастные женские стоны и хриплый мужской шёпот:

— Тебе хорошо, принцесса?

А за полупрозрачным шёлком занавесей на широком ложе нежилась обнажённая дева. Рядом с ней полулежал статный мужчина в маске, скрывавшей его лицо от посторонних глаз. Принцесса металась по подушкам, забывшись в истоме. Её тяжёлое дыхание прерывалось лишь тихими стонами; ни капли стыда не читалось на её разгорячённом лице.

Фан Синьтянь сощурился, лениво оглядывая сообщницу. Женское тело никогда не было для него запретным плодом — лишь приятной забавой, не более. И если бы эта девица не обладала столь утончённой красотой, он бы и взгляда на неё не потратил. К тому же сейчас его занимали куда более важные дела.

Заметив, что её страсть достигла пика, Фан Синьтянь щелчком пальцев направил в её грудь тонкий луч белого света. Только тогда туман в глазах принцессы начал рассеиваться.

Когда дурман вожделения спал, Ся Бин наконец осознала, в каком положении находится. Без одежды, распластанная на ложе рядом с едва знакомым мужчиной... По телу разлилась тянущая сладостная боль. Спешно натянув шёлковое одеяло до самого подбородка, она сверкнула полными гнева глазами и яростно прошипела:

— Прочь!

Она сама не понимала, какой бес попутал её притащить этого проходимца в столицу. Сейчас ей

хотелось лишь одного — разорвать наглого мерзавца на куски, дабы смыть этот позор.

Фан Синьтянь лишь усмехнулся. Одним небрежным движением он сдёрнул покрывало, обнажая её плечи, и без труда притянул брыкающуюся принцессу к себе, властно перехватив её за талию.

— Мы ведь только что разделили такое блаженство, принцесса, — тихо прошептал он ей на ухо, пока его пальцы ласкали её кожу. — К чему эта холодность? Стоит мне шепнуть хоть слово, и вся империя узнает, что их добродетельная наследница — обыкновенная распутница.

Ся Бин замерла в его тисках. К её глубочайшему стыду, тело, едва познавшее плотские ласки, против воли отзывалось на уверенные прикосновения. С трудом сдерживая участившееся дыхание, она процедила:

— Наглец... Я немедленно доложу обо всём матушке, и тебе отрубят голову!

Фан Синьтянь намотал на палец прядь её тёмных волос и мягко улыбнулся:

— Уверен, принцесса слишком умна для подобных глупостей. Всё, что мне нужно — это скромный пост верховного чародея Великой Ся. И вы мне его устроите.

С этими словами он выпустил её из объятий и вальяжно откинулся на плетёное кресло в углу паланкина. Не обращая внимания на испепеляющий взгляд Ся Бин, он взял шёлковый платок и принялся неторопливо вытирать пальцы. Будь его воля, он бы и секунды не тратил на капризы вздорной девчонки. Но в столице повсюду сновали ищейки Небесного Двора, и Фан Синьтяню приходилось действовать тоньше. Ему, привыкшему брать желаемое силой, оставалось лишь терпеть.